

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

ДОЛГ НЕОПЛАТНЫЙ.
(БЕСЕДА Д.В. САФОНОВА
С Н.Н. ЛISOVЫМ, ПОСВЯЩЕННАЯ
ПАМЯТИ ДОЦЕНТА МДА
АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ
(ПРОСВИРНИНА))

Богословские труды. Юбилейный сборник,
посвященный 325-летию Московской
Духовной Академии (1685-2010).
Сергиев Посад, 2010, №11-12. С. 982

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Московская православная духовная академия
www.mpda.ru

Москва, 2014

ДОЛГ НЕОПЛАТНЫЙ

(БЕСЕДА Д. В. САФОНОВА С Н. Н. ЛИСОВЫМ,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ДОЦЕНТА МДА
АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ (ПРОСВИРНИНА))¹

— Николай Николаевич, сегодня, в день нашей с вами беседы, 12 июля, исполняется ровно 15 лет со дня преставления архимандрита Иннокентия. Не могли бы вы поделиться своими воспоминаниями об этом человеке? Я знаю, что когда вы с ним познакомились, вы были молодыми людьми, хотя отец Иннокентий был на 6 лет старше. Он родился в 1940 году. Расскажите о знакомстве и сотрудничестве с ним.

— Отец Иннокентий, в миру Анатолий Иванович Просвирнин, — сибиряк. Родился в Омске, с 10 лет алтарничал в храме, то есть был мальчиком-алтарником. Потом иподьяконом. Был иподьяконом и в Иркутске, у владыки Вениамина (Новицкого)², и в каком-то смысле

¹ Интервью было дано 12 июля 2009 г. Все примечания к тексту интервью подготовлены Д. В. Сафоновым.

² Вениамин (Новицкий Сергей Васильевич; 4 сентября 1900 г. — 14 октября 1976 г.), архиепископ Чебоксарский и Чувашский. В 1914 г. окончил Слуцкое ДУ, поступил в Воронежскую ДС, через год перешел в Минскую ДС, где учился до ее закрытия в 1919 г. В 1925—1929 гг. был студентом православного богословского факультета Варшавского университета. В августе 1928 г. вступил в число братии Почаевской в честь Успения Пресвятой Богородицы Лавры, где 15 сентября того же года был пострижен в монашество, на следующий день рукоположен во иеродиакона, 25 декабря — во иеромонаха. В 1941 г. решением Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) и Священного Синода Вениамину определено быть викарием Вольнской епархии. Архиерейскую хиротонию во епископа Гинского и Полесского 15 апреля 1941 возглавил митрополит Николай (Ярушевич). После оккупации Украины немецкими войсками вошел в юрисдикцию канонической автономной Украинской Православной Церкви (УПЦ), выступал против автокефалистских и националистических тенденций, поддерживаемых фашистским командованием. 18 мая 1944 г. арестован в Почаеве «за сотрудничество с оккупантами», был приговорен к 15 годам ИТЛ. 15 августа 1955 г. епископ Вениамин был освобожден из Севлага в Магаданской области. 22 ноября 1956 г. назначен епископом Омским и Тюменским. 20 февраля 1958 г. переведен в сан архиепископа. 21 февраля 1958 г. переведен на Иркутскую и Читинскую

он может быть назван его духовным сыном, потому что архиепископ Вениамин оказал на него, конечно, большое влияние.

Архиепископ Вениамин сам по себе был очень интересный человек. Это один из участников автономной православной Церкви Украины во время войны, которую организовал архиепископ Алексий (Громадский)³. И, собственно, насколько я понимаю, к тому времени, когда мы общались с владыкой Вениамином, он, в общем-то, единственный и уцелел из всей этой автономной Украинской Церкви. В свое время он окончил теологический факультет Варшавского университета. В то время, когда у него стал иподьяконом отец Анатолий (будущий отец Анатолий, тогда еще Толя Просвирнин), владыка сравнительно недавно освободился из лагеря. В 60–70-е годы это был единственный из наших архиереев безбородый. Потому у него голова была, как в старину говорили, «лысая, как коленка». Все волосы и на голове, и на бороде у него просто вылезли. Он был замечательный человек и глубокий богослов, носитель традиций еще довоенного епископата. И именно он благословил Толю Просвирнина пойти учиться в Семинарию, учиться в Академии, идти по богословскому пути. Соответственно, как тогда было положено, Толя поступил в семинарию⁴. По-моему, с

кафедру с поручением временного управления Владивостокской и Хабаровской епархий. В конце 60-х гг., во время очередного объезда епархии, подвергся радиоактивному облучению, после чего у него началась лучевая болезнь, вследствие чего выпали волосы. 31 мая 1973 г. был назначен архиепископом Чебоксарским и Чувашским. См. подробнее: *Липаков Е. В.* Вениамин (Новицкий) // ПЭ 7. 2004. С. 641–642.

³ Алексий (Громадский Александр Якубович) (1882–1943), митрополит. С 1918 г. в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. Епископ Гродненский и Новоградский, член Синода автокефальной Православной Церкви в Польше (1923). В 1940 г. возвратился в юрисдикцию Московского Патриархата. Архиепископ Ровенский и Кременецкий (1941). После установления режима немецко-фашистской оккупации не признал юрисдикции митрополита Варшавского Дионисия (Валединского) на Украине и предпринял меры по установлению канонически правомерного церковного управления. В августе 1941 г. созвал в Почаевской Лавре епископское совещание, на котором было принято решение о восстановлении автономного статуса УПЦ в юрисдикции Московского Патриархата. В ноябре 1941 г. избран Экзархом Украины. Позднее возведен в сан митрополита Вольнского и Житомирского. Убит по дороге из Кременца в Луцк украинскими националистами.

⁴ В 1958 г. Анатолий Просвирнин поступает во второй класс МДС.

первого или со второго курса его взяли в армию⁵. Он отслужил в армии, вернулся в семинарию, закончил ее⁶. Закончил Академию⁷, и когда мы с ним познакомились, он уже работал в редакции у владыки Питирима, в редакции «Журнала Московской Патриархии», и был иподьяконом у владыки Питирима.

Познакомились мы с Толей ровно 40 лет назад — весной 1969 года: тоже можно отметить юбилей. Все это время отец Иннокентий, или Толя Просвирнин, присутствует в моей жизни — но последние 15 лет только в молитвах и в памяти. Познакомились же мы таким образом. Владыка Питирим задумал издать (у него была такая заветная идея: издать для широкого, а значит, к сожалению, западного читателя, потому что тогда широкого советского читателя для богословской литературы еще никак не предполагалось) — издать для широкого читателя хорошую книгу о Русской Православной Церкви, которая была бы свидетельством и ее современного состояния, в том числе ее современной богословской мысли. А для этого, естественно, нужно было попытаться реализовать весь тот богословский потенциал, который с 1917 года и до нашей встречи в 1969 году пребывал в известном смысле в забвении, у нас в стране во всяком случае.

Надо сказать, что отцу Иннокентию очень посчастливилось с духовными наставниками. Я уже говорил о выдающихся духовных и богословских качествах владыки Вениамина. Владыка Питирим тоже был в этом смысле совершенно замечательный человек. По моим воспоминаниям, это был, наверное, один из самых широких и образованных наших иерархов-богословов. Руководил он не только «Журналом Московской Патриархии», но и всем Издательским отделом Московской Патриархии и сумел заручиться благословением, покровительством и постоянной поддержкой сначала Святейшего Патриарха Алексия I, который его и назначил руководителем отдела, а затем — Святейшего Патриарха Пимена. Владыка Питирим сумел сделать из Издательского отдела небольшой научно-исследовательский институт, лабораторию

⁵ Службу в Советской армии А. Просвирнин проходил в 1959–1962 гг.

⁶ А. Просвирнин поступил в МДА в 1964 г.

⁷ А. Просвирнин закончил в МДА в 1968 г.

по истории русской богословской мысли и по истории Русской Церкви. Журнал тогда был вообще единственным богословским изданием, которое было доступно нашему читателю. В журнале публиковались и лучшие памятники церковного красноречия наших проповедников XVIII—XIX вв., и отдельные работы собственно богословского характера, причем богословов современных. Владыка Питирим считал необходимым привлекать не только преподавателей, профессоров Духовных академий, но и светских авторов. Довольно естественно, что по обстоятельствам времени эти светские авторы часто не публиковались под своими фамилиями. Не знаю, с чем это связано, но в тот период бывало так, что и церковные авторы публиковались в журнале не под своими фамилиями. Например, самый известный мне случай, это когда профессор Шабатин⁸ публиковался в ЖМП под псевдонимом Никита Волянский. Иван Николаевич Шабатин был замечательный профессор и историк Церкви, а под собственной фамилией в журнале его не публиковали. Может быть, именно в силу того, что он был мирянин. Если бы он был в сане, он мог бы печататься и под своим именем. Ну, не знаю в чем там дело, во всяком случае, про нас — светских людей — заранее было ясно, поскольку журнал не имел права публиковать светских авторов.

И вот именно в таком ключе, когда владыка Питирим задумал выйти на зарубежного читателя с большой книгой о Русской Православной Церкви, он попытался привлечь светских авторов. В то время были очень известны и популярны молодые тогда еще авторы, так называемые московские неославянофилы. Прежде всего, это был Вадим Кожин⁹ и Петр Палиевский. Внимательно следя за литературой, владыка Питирим, конечно, отметил их и попытался обоих привлечь.

Насколько я понимаю, в то время с Вадимом Валерьяновичем Кожинным у него не получилось публикаций и совместных работ в силу

⁸ Иван Никитич Шабатин (1898—1972). Подробнее см. о нем выше статью архим. Макария (Веретенникова) «Церковный историк профессор Иван Николаевич Шабатин».

⁹ Вадим Валерьянович Кожин (1930—2001), литературовед, публицист, историк. См. о нем: Лисовой Н. Н. «Душа верна». (Памяти В. В. Кожина) // Московская перспектива. 6 февраля 2001. № 5. С. 4.

ряда обстоятельств, а Петр Васильевич Палиевский рекомендовал владыке обратиться к более молодым авторам. Под «более молодыми» он имел в виду своего племянника — Мишу Палиевского — и меня, грешного, Николая Лисового. Нам тогда было по 22–23 года. И вот с такой рекомендацией мы весной 1969 года пришли к владыке Питириму. Сначала это была общая ознакомительная беседа — кто, что, чем занимается. Тогда и прозвучала фраза, которую я всегда вспоминаю с улыбкой. Сорокатрехлетний владыка Питирим, оглаживая свою чуть-чуть начинавшую сесть бороду, с важностью сказал: «Ну, мне уже поздно заниматься богословской наукой, теперь ваше время». Эта фраза была сказана в присутствии тоже еще молодого 28-летнего Толи Просвирнина, потому что, когда мы пришли к владыке Питириму, он тут же пригласил для участия в разговоре и своего ближайшего помощника, который тогда еще не был заместителем главного редактора, но уже был ближайшим помощником владыки, — Толю Просвирнина¹⁰. Вот так состоялось наше знакомство. И, по существу, первые наши разговоры шли именно вокруг того проекта написания очерка истории Русской Православной Церкви, который потом был напечатан и в немецкой книге о Русской Православной Церкви¹¹ в серии «Die Kirche der Welt». И был даже по-русски напечатан очерк «Истории Церкви» — очерк не богословской науки, но именно истории Церкви. В таких тонких зеленых выпусках «История Русской Православной Церкви», которая вышла к 1000-летию крещения Руси, в 1988 году¹². Понятно, что нам нужна была литература.

У Толи Просвирнина была отличная библиотека. Он пригласил нас к себе в Лавру, где он тогда жил. Показал свою библиотеку. Как раз недавно перед этим кто-то из профессоров скончался¹³, и его вдова хотела

¹⁰ В 1963 г. А. Просвирнин начал работу в Издательском отделе Московского Патриархата, с 1968 г. — литературный редактор и заведующий Отделом богословия и проповеди.

¹¹ Die russische Orthodoxe Kirche. В., N. Y., 1985.

¹² Русская Православная Церковь: 988–1988. Очерки истории. Вып. 1. I–XIX вв. М., [1990.]. На титульном листе год издания: 1988; Русская Православная Церковь: 988–1988. Очерки истории. Вып. 2. 1917–1988. М., 1988.

¹³ Вероятно, профессор-протоиерей Иоанн Стефанович Козлов (1887–1971).

продать библиотеку. Но она хотела продать ее целиком. И вот Толя Просвирнин, совсем еще молодой и не очень имущий человек, как-то поднапрягся, собрал деньги, занял где-то и купил себе эту библиотеку. Это была хорошая, действительно, библиотека, в которой содержались и издания дореволюционные, и издания 1920-х годов. Я помню, что там были и работы Л. П. Карсавина, и свящ. Сергия Булгакова, и книги каких-то других авторов, не входившие в официальную обойму положенного и одобренного чтения.

А отец Иннокентий тогда как раз начинал преподавать. Я помню, что сентябрь 1969 года был первый год, когда он стал преподавать историю Русской Церкви в Духовной семинарии, готовился к своему первому курсу, собирал книги, советовался. Он с самого начала хотел студентов приучать к книге. Это была его заветная мечта и отличительная черта. Вместо того, чтобы просто авторитарно с трибуны или из-за преподавательского стола вещать какие-то истины и просто говорить, что там почитайте то-то и то-то, он всегда, с первого дня, приносил в аудиторию с собой книги, расставлял их, показывал, объяснял и так далее. Старался приобщить студентов к традиции.

Одно, кстати, из любимых его речений было речение старца Паисия (Величковского) «спасение по книгам». Что наша эпоха? Это время спасения по книгам. Не всем доведется найти старца, не всем доведется найти руководителя. В том числе с точки зрения богословского образования не всем посчастливится найти научного руководителя или слушать курсы хороших лекторов, а книги есть. И если ты умеешь и знаешь, где их взять и как их читать, ты имеешь возможность получить хорошее богословское образование и соответствующее духовное назидание от книг. Это была любимая идея тогда еще Толи Просвирнина, которую он, очевидно, унаследовал и от владыки Вениамина Иркутского, и от владыки Питирима.

И вот с того времени, с весны 1969-го года, мы с ним дружили. Если я не ошибаюсь, весной 1971-го года или еще в конце 1970-го он стал священником, принял сан¹⁴. Он принял сначала целибат. Святей-

¹⁴ 4 февраля 1970 г., в день 25-летия со дня интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, рукоположен в Успенском храме в Новодевичьего

ший Патриарх Алексий I благословлял молодых священников на celibat, хотя это не вполне привычно. Не скажу, что не канонично, но не вполне привычная форма для русского священнического служения. Но по обстоятельствам эпохи Святейший Патриарх Алексий считал, что это приемлемо.

И вот отец Анатолий¹⁵ продолжал работать в редакции «Журнала Московской Патриархии» и в Издательском отделе, продолжал преподавать Русскую Церковную историю в Московской Духовной Семинарии¹⁶. И довольно быстро он стал крупным и признанным ученым, историком Церкви. Все это, конечно, за счет дарования, за счет работоспособности, за счет собственного таланта, за счет самоотверженного труда, часто ночного. Кто-то может сказать, что я буду неправ, но все-таки я бы назвал отца Иннокентия, тогда еще Анатолия, самородком. Безусловно, самородок. И в высоком смысле автодидактом. Отец Анатолий кроме духовной школы ничего не кончал, а она, конечно же, не давала достаточного уровня образования ни в собственно богословских науках, ни, тем более, в необходимых для историка таких дисциплинах, как палеография, история литературы, история русской книжности, что как раз было всегда сильной стороной отца Иннокентия.

Его идея была простой. Для того, чтобы сегодня быть полноценным православным богословом, нужно подключиться к высокой традиции русской патристики.

В те годы мы и не знали, что такое русская патристика. Я думаю, что кроме отца Иннокентия такого слова вообще никто не говорил. Понятно, что патристика — это изучение святых отцов, и патристика преподавалась в наших духовных школах, правда, тогда еще не переиздавались труды самих святых отцов. Но они были достаточно хорошо изданы нашей дореволюционной духовной школой. Большие собрания сочинений святителей Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Григо-

монастыря епископом Волоколамским Питиримом во диаконы, 22 февраля того же года — в священники.

¹⁵ 27 декабря 1977 г. прот. Анатолий Просвирнин принял монашеский постриг с именем Иннокентий.

¹⁶ В 1984 г. ему было присвоено звание доцента МДА.

рия Богослова. И блаженный Иероним был переведен, и блаженный Августин. Практически вся классика. Конечно, на уровне науки XIX века, хотя этот уровень был достаточно хороший. Собственно говоря, наши Духовные Академии именно и занимались тем, что переводили и издавали труды святых отцов. Но эта была патристика греческая и латинская. Это была патристика переводная. Что такое русская патристика, разговора тогда еще не возникало. Соединение вселенской традиции с нашей русской традицией является основой богословского ведения. Эта идея и возникла по-настоящему в XX веке. Конечно, изучались отдельные авторы, изучались труды и послания прп. Иосифа Волоцкого с его «Просветителем», прп. Нила Сорского, даже более древних авторов начиная со слова «О законе и благодати», которое впервые было издано тоже в XIX веке. В том числе даже знаменитый старец Филофей с его посланиями, с его пророчеством о третьем Риме: «Москва — третий Рим». Они однако не стали достоянием богословской мысли и широкой богословской культуры. Они оставались книжными, библиографическими редкостями, кто-то их знал, кто-то не знал. И можно было быть богословом, и можно было писать и издавать книги, не зная и не ссылаясь на эти произведения. Более того (сейчас трудно в это поверить), без этого можно было даже быть великим историком Русской Православной Церкви, каким был, например, Евгений Евстигнеевич Голубинский. Замечательный историк, и мы насколько не будем пытаться умалить его трудов. Но, тем не менее, вот, можно было быть академиком Голубинским, церковным профессором, профессором Московской Духовной Академии, воспитавшим учеников и написавшим огромную фундаментальную историю Церкви, и считать на полном серьезе, что никакого духовного образования, никакой высокой богословской книжности в древней Руси просто не было. И, наоборот, доказывать все время, что в древней Руси были только начатки образования. Хотя теперь мы смотрим на «Слово о законе и благодати» как на жемчужину русской литературы, она раздергана на цитаты. Там кого только из святых отцов не находят, даже тех, кого там нет. И подозревают, что Иларион читал даже тех святых отцов, которые тогда и в славянском переводе не существовали, что он знал

греческий язык. А тут недавно на одной конференции была высказана идея, что он, вообще, и образование в Константинополе получил. Понимаете разницу? А, тем не менее, Голубинский считал, что это такое вот школьное сочинение — ничего выдающегося. И за весь период до XVI, XVII и XVIII веков ничего этот замечательный профессор и историк не находил в русской богословской мысли.

— Николай Николаевич, чтобы проиллюстрировать вашу мысль, насколько опережал свое время отец Иннокентий. Только в прошлом году у нас, в Московской Духовной Академии, начал читаться курс русской патристики. Но не нашлось человека, который мог бы его читать целиком. Его разделили, раздробили на периоды. Несколько специалистов начали его читать, и была проведена первая конференция в декабре прошлого года «Русская патристика». У нас только сейчас всерьез был поставлен вопрос о возобновлении традиции преподавания собственно русской патристики. Вот, на 30 лет с лишним отец Иннокентий опередил время.

— Совершенно верно. На 30 и больше лет. У него это была заветная идея. И была большая картотека. Прямо в углу кабинета стояло несколько библиографических картотечных ящичков, в которых он собирал материалы для будущей русской патристики. Причем, русская патристика у него понималась достаточно широко. В нее включались труды самих русских святых отцов и вся традиция самых ранних веков. Вся традиция славянского и древнерусского перевода святых отцов. И это тоже важный момент, ибо — что греха таить! — наш современный менталитет устроен таким образом, что переводы XIX века для нас уже архаика, к которой мы относимся с пренебрежением и противопоставляем новейшие переводы, которые сплошь и рядом уступают старинным нашим переводам с точки зрения понимания церковного стиля, духовного облика самих слов, самих переводов. Хотя они, может быть, и лучше с точки зрения хорошего знания греческого языка, может быть они и точнее в чем-то. Я не буду входить тут в какие-то богословские, филологические тонкости и проблемы. Скажу только, что отец Иннокентий, в отличие от многих других наших специалистов, работающих

в области русского богословия, истории Русской Церкви, с уважением относился к авторам предшествующих веков. Это очень важные вещи. Сегодня у нас на полном серьезе появляются статьи, в которых «развенчиваются», и обличаются, и «исправляются» ошибки авторов даже начала XX века: «Ах, они этого не знали. Ах, они издали не так. Ах, они перевели не так». В отличие от этого отец Иннокентий всегда и своих студентов учил, и сам работал, прежде всего, на авторитете традиции. Это тоже очень важная вещь. Еще к этому можно добавить, что в те времена, когда работал отец Иннокентий, то есть начиная с 1969-го года, когда я с ним познакомился, никто тогда еще не только в духовных школах, не только в богословско-издательской области не предпринимал таких труднейших и серьезнейших научно-издательских проектов, но даже и в светской области этого не было.

Иногда приходится удивляться, откуда возникали эти, буквально фонтанировавшие в нем, идеи. Он привлекал к себе огромное количество людей. Я на сегодняшний день среди моих знакомых, друзей, приятелей, просто людей, которые работают в той же области, практически никого не знаю, кто не был бы знаком, как и я, с отцом Иннокентием. Кого бы отец Иннокентий ни попытался привлечь, с кем ни попытался работать, у всех остались о нем самые хорошие и самые серьезные воспоминания. Я могу привести несколько примеров. Например, известный сегодня религиозный философ С. С. Хоружий. В начале 1970-х годов мы с ним сотрудничали, когда С. С. Хоружий готовил к изданию работы Павла Флоренского и работал над предисловием к ним. Отец Иннокентий дал ему рукопись, попросил подготовить, прокомментировать и написать предисловие. Так были опубликованы знаменитые экклезиологические материалы свящ. Павла Флоренского в 17 выпуске «Богословских трудов»¹⁷. Со многими современными историками, археологами, филологами мы познакомились и подружились именно у отца Иннокентия. Я могу назвать бесспорно выдающегося нашего современного филолога Евге-

¹⁷ Из богословского наследия священника Павла Флоренского // БТ 17. С. 85–248.

ния Михайловича Верецагина¹⁸, лучшего специалиста по славянской Библии, по кирилло-мефодиевским переводам. Мы познакомились с ним в редакции «Журнала Московской Патриархии» в 1974 году. С замечательным нашим историком-византинистом, последние годы преподававшим и заведовавшим кафедрой в Свято-Тихоновском Богословском университете, Игорем Сергеевичем Чичуровым¹⁹, мы познакомились то ли в 1985-м, то ли в 1986-м году у отца Иннокентия и подружились. Отец Иннокентий обладал особым даром, харизмой привлекать людей, организовывать их на какое-то дело и сдружить между собой. Я очень благодарен отцу Иннокентию лично, потому что те 25 лет нашей дружбы до 1994 года, до года его смерти, — самые наполненные и самые яркие годы в моей жизни. Но, помимо этого, я благодарен ему, что он познакомил и сдружил меня со многими людьми, с которыми я с тех пор и дружил, работал и продолжал отчасти то самое дело, которое мы когда-то с отцом Иннокентием начинали. Должен сказать, что иногда в руках у отца Иннокентия идея, даже вполне нормальная, стандартная приобретала характер совершенно нового начинания. Нового историко-богословского издательского проекта. Так было, например, с изданием служебных Миней, которые нужно было переиздавать²⁰. Задача была поставлена священноначалием. Взяли служебные Минеи XIX века издания, 1912 года издания, другие издания, посмотрели их и решили, что можно просто взять и переиздавать. Хотя были все же некоторые сомнения относительно того, а не надо ли что-то поновить в языке служебных Миней. Исходили при этом из опыта святителя Афанасия (Сахарова)²¹,

¹⁸ Евгений Михайлович Верецагин (род. в 1939 г.), языковед, исследователь церковно-славянского языка, главный научный сотрудник Института русского языка им. акад. В. В. Виноградова РАН.

¹⁹ Игорь Сергеевич Чичуров (1946—2008), ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, зав. каф. Истории древней Церкви ПСТГУ, д.и.н.

²⁰ Минея служебная («месячная»): Минея: В 12 т. М., 1978—1989.

²¹ Афанасий (Сахаров Сергей Григорьевич; 2 июля 1887 г. — 28 октября 1962 г.), еп. Ковровский, священноисповедник. В 1956 г. возглавлял действовавшую при Патриархе Календарно-богослужебную комиссию. Ему удалось найти и исправить более 200 служб, в большинстве своем неопубликованных. Результатом этой работы стали материалы к дополнительным русским Минеям, а также том сентябрьской Миней, ко-

который проделал большую работу и все 12 томов служебных Миней карандашиком отредактировал, поисправляя²². Что же делает из этого отец Иннокентий, который оказывается во главе проекта? Он сразу превращает это в мощнейшую, интереснейшую работу по выявлению всей служебно-минейной традиции прежних веков, всех рукописных служб, которые были найдены впервые. Издаются все рукописные службы русским святым, которые никогда не включались в Минеи, а те, которые включались, исправляются по множеству новых списков, уточняются. Иногда публикуется по несколько версий, когда это были совершенно разные варианты службы святому. И получилась в историко-богословском и в историко-литургическом смысле интереснейшая работа. Конечно же, зеленые Минеи тоже носят «родимые пятна» своего времени. Конечно, все это было сделано недостаточно последовательно, все-таки у отца Иннокентия не было богословского института, который можно было бы посадить и делать это, как делают веками, например, отцы-болландисты на Западе. Поэтому довольно естественно, что зеленые Минеи, как их иногда называют, остались в рабочем состоянии, это всего лишь рабочая ступень. Но все, что можно было сделать в условиях 1978 года, когда они начали выходить, и в 1980-е годы — все было сделано. И сотрудники Издательского отдела под руководством отца Иннокентия работали в полную силу, и это осталось очень ценным памятником историко-литургического творчества Русской Православной Церкви. Они же, собственно, тогда и были задуманы к 1000-летию Крещения Руси.

Обратите только внимание на постоянную ориентированность отца Иннокентия на живое движение истории, он уже заранее помнил, всегда знал и думал, строил проекты к тысячелетию крещения Руси, а шли еще 1970-е годы. И, действительно, к 1000-летию крещения Руси служебные Минеи были изданы, как и другое многотомное со-

который был подготовлен целиком владыкой Афанасием. Еп. Афанасий входит в Собор святых МДА. См. ниже публикацию игум. Луки (Головкова) «Собор святых Московской духовной академии: материалы к истории создания нового иконописного образа». № 19 (С. 1073—1074).

²² Архив свт. (Сахарова) Афанасия хранился у архим. Иннокентия, в настоящее время хранится в ЦИА ПСТГУ, а также в библиотеке МДА.

брание — «Настольная книга священнослужителя»²³. Абсолютно понятное, стандартное церковно-практическое издание. В Московской Духовной Академии были до революции и недавно возобновлены богословское отделение, церковно-историческое и церковно-практическое. Все это идет по церковно-практическому отделению. То есть всего лишь церковно-практическое издание. Чего тут, казалось бы, мудрить, да и более того — даже когда в Совет по делам религий была подана заявка, что, вот, хотим переиздать «Настольную книгу священнослужителя», проблем не было. Естественно, что даже цензоры из Совета по делам религий решили: пускай сделают вот такой справочник. А что сделал в результате отец Иннокентий? По благословению владыки Питирима огромное восьмитомное издание, которое называется «Настольная книга». Восемь настольных томов. Причем, например, второй и третий тома составляют месяцеслов. То есть заново были написаны житийные справки всех святых, входящих в наш русский православный месяцеслов. Это тоже была достаточно большая, серьезная работа. Я хорошо это помню, потому что я тоже принимал в ней участие, писал статьи о русских святых, в том числе о русских благоверных князьях — о Владимире²⁴, об Ольге²⁵ и о некоторых других.

— Вы упомянули святую благоверную Ольгу, действительно ли она иначе именовалась? Именно отец Иннокентий вписал «святая равноапостольная княгиня Ольга»?²

— Да, совершенно верно. Отец Иннокентий был в свое время удивлен и огорчен, что, действительно, писалось самым разным образом, писалось — «блаженная княгиня Ольга», писалось просто — «великая княгиня Киевская Ольга», «святая княгиня Ольга». «Равноапостольная» — практически не писалось, хотя по чину она равноапостольная, однако в практику издания месяцесловов, в сам текст месяцеслова ввел эту формулировку отец Иннокентий. Он писал о святой княгине Ольге,

²³ Настольная книга священнослужителя. В 8 т. М., 1977–1994.

²⁴ Св. равноап. князь Владимир // Настольная книга священнослужителя. Т. 3. Месяцеслов. Март-август. М., 1979. С. 576–583.

²⁵ Св. равноап. Княгиня Ольга // Там же. С. 553–563.

очень почитал ее. Специально ездил по ольгинским местам в Псковщине, много фотографировал.

Отец Иннокентий был ориентирован на книжность, на рукопись, на письменный текст и был хорошим специалистом в этой области. До сих пор во всех отделах рукописей, во всех древлехранилищах нашей страны помнят его. Помню, как он работал, не так, как некоторые — приходят, одно-два дела откроют и диссертации делают. А отец Иннокентий и диссертации не делал²⁶, а просто приходил, работал с рукописями, готовил их к печати. Очень большое значение придавал созданию фотографического фонда рукописей. Им было лично отснято и создано на цифровой съемке огромное количество ценнейших рукописей. В частности то, что потом было им самим использовано в практической работе. Я имею в виду проект Геннадиевской Библии. Кроме этого, именно им была проведена огромная работа по Лицевому своду. Он мечтал издать или, по крайней мере, сделать копийный фонд всех лучших русских рукописей. В том числе ценнейших рукописей и древних миниатюр. И он делал все это сам и помогал музеям это делать. Он делал это не с корыстными целями, а именно для того, чтобы в музее были эти фотокопийные материалы с древнейших русских рукописей и лучших иллюминированных кодексов. Вообще он очень любил и умел пользоваться современной фотографической техникой. Отца Иннокентия, хотя он был вроде бы таким книжным человеком, всегда влекло к технике. Он пытался также освоить компьютерную технику. Не помню, правда, удалось ли ему это в полной мере. Вроде бы компьютер стоял в углу кабинета, так почти и неиспользуемый. Но все, что касалось другой оргтехники, то есть фотоаппарат, камера, звукозапись — все, что можно было использовать, он активно использовал в своей церковной работе. Еще тогда, в конце 1960-х годов, он всегда, если куда-то ездил

²⁶ Заканчивая Московскую духовную академию, он написал кандидатскую диссертацию «Оптина Пустынь в истории русского монашества». До последних дней своей жизни архимандрит Иннокентий работал над магистерской диссертацией «Русская Патристика. Научная классификация славянских источников». О научно-богословской деятельности архим. Иннокентия, зафиксированной в его личном деле, см. выше в статье Д. В. Сафонова «Обзор архивных источников по истории Московских духовных школ в послевоенный период» (С. 634).

(а он много ездил по стране, по древним монастырям, в том числе пребывавшим тогда в развалинах, в запустении), то всегда ездил с фотоаппаратом. В 1969 году ему удалось сделать уникальный снимок — взрыв Ольгинского моста в Пскове. Старый мост, который старожилы называли Ольгинский, стоящий на том месте, где по преданию Ольга встретила с Игорем. Его взорвали, построили сейчас через р. Великую новый мост. Как раз момент взрыва случайно удалось заснять отцу Иннокентию, потому что он тогда оказался там, рядом, в Пскове. И для него это было грустным и впечатляющим символом отношения к истории, отношения к русской святости. Святая Ольга для него была началом того самого проекта — русская патристика, о которой мы с вами говорили. Потому что, действительно, все начинается в России, все сходится к княгине Ольге, к ее крещению в Царьграде. К ее первому строительству деревянной еще церкви Святой Софии в Киеве. Это очень интересовало и очень привлекало отца Иннокентия. Ольга была действительно среди его любимых исторических персонажей. О ком он любил писать, о ком он думал, о ком он хотел издавать свои книги и церковно-исторические, и богословские.

— *Какие еще проекты осуществлял о. Иннокентий?*

— Мы сказали о двух проектах: о «Настольной книге» и о служебных Минеях. Среди проектов, безусловно, имеющих и сегодня огромное значение, несмотря на их незавершенность, был, конечно, проект «Русской Библии». Когда мы говорим «Русская Библия» — более четко и более понятно становится, что имел в виду отец Иннокентий, когда говорил о русской патристике. Что такое русская Библия? По существу, русская Библия имеет свое начало в 1876 году, когда вышло полное синодальное издание, синодальный перевод Библии. Но на самом деле отец Иннокентий в понятие «Русская Библия» включал всю историю Библии на Русской земле. Начиная с древних переводов, с их бытования сразу же в эпоху после Крещения на Руси. Начиная с тех цитат из Священного Писания, которые встречаются у того же свт. Илариона и у других наших святых отцов, включая, конечно, кульминацию русской Библии. Кульминацию русской Библии отец Иннокен-

тий видел в Геннадиевском своде, Геннадиевской Библии. Это первая церковно-славянская Библия, собранная на русской земле в 1499 году святителем Геннадием Новгородским, полный свод. Геннадиевская Библия и должна была, по его мысли, лечь в основу научно-издательского проекта «Русская Библия». Естественно, отец Иннокентий понимал, что для широкого читателя все-таки недостаточно понятен древний церковно-славянский и древнерусский текст. Поэтому текст Геннадиевской Библии параллельно шел со стандартным современным славянским текстом, как он сегодня используется в церковном обиходе. Текст был щедро оснащен иллюстративным рядом. Все доступные миниатюры, иконы, фрески, которые имели отношение к текстам Библии, отец Иннокентий бережно собрал, осуществил цифровую съемку, подготовил к печати. При жизни отца Иннокентия были изданы всего только два тома. Вышел Новый Завет: первый том, Евангелия, и второй том Апостолов, до Откровения Иоанна Богослова включительно²⁷. И отец Иннокентий говорил, что если даже и не удастся больше ничего, главное-то сделано. Главный текст, важнейший христианский текст в руки современному русскому читателю дан. Это была его идея. Потом была издана еще Псалтырь дополнительным томом, уже после его кончины²⁸. Также была издана еще коллекция зрительного материала: икон, миниатюр, просто, можно сказать Библия в русской изобразительной церковной традиции²⁹. Основной текст ветхозаветный так и остался не издан. Прежде всего потому, что начало проекта совпало с тяжелейшим периодом в нашей истории. В начале 1990-х годов не только не до издания Русской Библии было, но и вообще рухнула держава, рухнула ее экономика, рухнула ее культура. И то, что в этих условиях, в 1992—1994 годах отец Иннокентий все-таки сумел издать эти великолепные по полиграфическому качеству, по художественному решению книги, это, конечно, огромная его заслуга и огромная уда-

²⁷ Библия 1499 г. и Библия в синод. переводе. Т. 7: Господа нашего Иисуса Христа Св. Евангелие. М., 1992; Т. 8: Деяния св. Апостолов. Послания св. Апостолов. Апокалипсис. М., 1992.

²⁸ Библия 1499 г. и Библия в синод. переводе. Т. 4: Псалтырь. М., 1997.

²⁹ Библия 1499 г. и Библия в синод. переводе. Т. 9: Прил.; Научное описание. М., 1998.

ча. Этим он навсегда вписал свое имя в историю русской библеистики. И как часто бывает, как раз в это время появилась возможность создания различных библейских комиссий, проведения различных библеистических конференций. И отца Иннокентия на них не стали приглашать, он вдруг оказался никому не нужен. Со своими проектами, со своими идеями. Он оказался не у дел.

— Действительно, мы не будем представлять полную картину его жизни, если не коснемся ее трагических сторон. Некоторые знавшие его говорят: «Чудак был человек. Странный был человек». Студенты, которые приходят к нам из Семинарии в Академию, часто ничего не слышали о нем. Я свой курс «Источниковедение и архивоведение» всегда начинаю с имени отца Иннокентия, с рассказа о нем. Приходится писать на доске правильно имя и фамилию, потому что почти никто из студентов даже не слышал его имени. Почему такое наследие до сих пор полностью у нас не востребовано?

— Хороший вопрос. И печальный вопрос. Я бы сказал так, что отец Иннокентий был трагической фигурой в нашей церковной истории последних десятилетий. Я не хочу сказать, что вообще быть церковным ученым — это мед и пирожки. Это всегда трудно. И история русской церковной науки XIX века и начала XX полна подобными трагическими историями. Сейчас не будем о них говорить и не будем даже приводить примеров. Можно открыть, почитать мемуары, например, замечательные воспоминания архиепископа Никанора (Бровковича) о русском ученом монашестве, что русское ученое монашество — это самое трагическое сословие, даже среди церковного духовного сословия. Самая тяжелая судьба выпадала именно носителям и создателям церковной науки. Конечно, сложность испытывали почти все, даже великие. Даже те, про которых сегодня мы бы сказали — успешные. Достаточно привести пример святителя Филарета Московского³⁰. Сейчас

³⁰ Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (26 декабря 1782 г. — 19 ноября 1867 г.), митр. Московский, свт. В 1812 г. определен ректором СПбДА; с 1817 г. — епископ Ревельский, викарий Петербургского митрополита; в 1819 г. на-

мы говорим, и справедливо — «великий Филарет», «эпоха Филарета». И практически все, что происходило в Русской Церкви между 1821 и 1867 годом, — все под Филаретом. Ничто не прошло мимо Филарета. А поставьте вопрос перед собой: а что осталось из его богословского наследия? Ведь, по существу, нет богословского наследия Филарета, мы по кусочкам собираем его канонические суждения из его резолюций, из его мнений и отзывов. Человек все время писал какие-то мнения, какие-то отзывы, которые издавались в пяти, в шести томах и так далее. Он все время писал докладные записки, присутствовал в Синоде, пока его мантия, как он сам шутил, не стала цепляться за шпоры обер-прокурора Протасова³¹. А что осталось? Вот ведь трагедия! Для меня это трагедия: один из самых замечательных церковных мыслителей и ученых, который руководил деятельностью всех наших научных духовных учреждений, всех наших духовных академий, а самое что написал? И другой пример — протоирей Александр Горский³². Откройте любую книгу, откройте любые воспоминания, все скажут: «Самое огромное влияние на меня оказал отец Александр Горский». Да, он был самый замечательный русский церковный историк, поднял то, поднял это, да он ни одного студента, который ставил перед собой какую-то тему, не оставил своим вниманием и заботой. Сам ходил в библиотеку, приносил каждому студенту прямо в его комнату кипы книг, опекал студентов, некоторые работы за студентов написал сам, мы и это знаем. Некоторые студенты стали потом выдающимися и богословами, и церковными деятелями, и так далее. А что от него осталось? Где его история Церкви? Ее нет. Были изданы позже какие-то записки студентов по его лекциям. Были потом достаточно сухие, абсолютно без личного мнения, без выводов его статьи, почитайте его

значен на Тверскую кафедру с возведением в сан архиепископа; в 1820 г. переведен на Ярославскую кафедру, 3 июля 1821 г. — на Московскую кафедру. В 1826 г. возведен в сан митрополита.

³¹ Николай Александрович Протасов (1799–1855), граф, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, в 1836–1855 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода.

³² Александр Васильевич Горский (1812–1875), протоиерей. Церковный историк, археограф, член-корреспондент Петербургской АН (1857). Ректор Московской духовной академии (с 1864).

статьи в «Прибавлениях к творениям святых отцов». Никакого личного мнения, никакого научного отношения, никакой критики текста, ничего нет. Куда что делось? Не трагедия? Трагедия. А вы спрашиваете про трагедию отца Иннокентия. Такие примеры были — Филарет, отец Александр Горский или, например, епископ Иоанн Смоленский³³, талантливейший, ярчайший человек. Для меня он один из любимых авторов в истории русского богословия XIX века, блестящий проповедник. Его догматические лекции издал отец Иоанн Кронштадский, будучи его учеником; он дал денег на издание, потому что считал, что это замечательный фонд, лучшее, главное. В 50 лет епископ Иоанн умер, никому не нужный и гонимый. И тот же самый обер-прокурор Протасов именно про него сказал: «Этого человека нужно мять-мять, тереть-тереть». И замяли и затерли. И, страшно сказать, но так почти со всей русской богословской мыслью.

А что же говорить про отца Иннокентия, который пытался что-то делать и пытался работать в условиях 1960–1980-х годов? Конечно, ни один лаврский батюшка не мог понять и до сих пор не может понять и разведет руками: «Зачем ему это было надо?» Да, действительно, для большинства он так и остался неким чудачком, который фонтанировал какие-то никому не нужные и неподъемные фантастические идеи. Но русская наука всегда жила и работала тем, что ставила перед собой высокую планку, которую очень трудно достичь. И отец Иннокентий тоже ставил не только перед собой, но и перед другими эту планку. Можно ли было это простить? Ему никак нельзя было этого простить! Талантливому человеку, яркому и нестандартному, вообще его таланты и нестандартность не прощаются ни в какой системе! А, извините, в такой, мягко скажем, консервативной системе, как среда духовная, в том числе духовно-учебная среда, тоже такая яркость и нестандартность никогда не прощается. И, действительно, отец Иннокентий на себе испытал все стадии и все возможные формы гонения и пренебрежения. Он был уволен из Московской Духовной Академии. Он был отчислен из братства Троице-Сергиевой Лавры. Он в последний год своей жизни ушел даже из «Журнала Московской Патриархии»,

³³ Иоанн (Соколов) (1818–1869), епископ Смоленский, канонист.

где проработал 30 лет. Он отовсюду ушел. И от бабушки ушел и от бабушки ушел...

Последний год своей жизни после того, как произошли трагические обстоятельства в Волоколамском монастыре, когда он был почти до смерти избит и чудом избежал смерти и остался жив, он уехал лечиться на Кипр и попытался даже там остаться. У него была мечта остаться там, он писал об этом прошение, заявление Священноначалию и так далее. Ему не разрешили, его заставили вернуться. Он вернулся весной 1994-го года для того, чтобы через три месяца после этого умереть.

Он не был в числе братства никакого монастыря. Когда отец Алексей, нынешний владыка Алексей (Фролов)³⁴, доложил Святейшему, что он просит включить в братство отца Иннокентия, Святейший благословил ему жить в Новоспасском монастыре, но не благословил включить его в братство. То есть человек, всю жизнь прослуживший Церкви (я уже говорил о том, что с 10 лет он был алтарником в православном храме) и всю жизнь отдавший церковной науке, абсолютный бесребренник, который все, что имел, отдал Церкви, — тем не менее умирает почти персоной нон-грата. Только и не сказать, что не вне закона.

Да, мы знаем, монашеский путь сложен и труден. Монашеский путь — это добровольное взятие на себя Креста Господня. Но вот до такой степени и на наших глазах, именно в наше время, это все-таки исключительный случай! Я думаю, что проблема здесь была именно в том, что церковная наука и церковная среда все-таки совсем не готовы были к восприятию тех самых идей и того самого размаха мышления, которое было у отца Иннокентия. Отчасти это относится, кстати, и

³⁴ Епископ Алексей (в миру Анатолий Степанович Фролов) род. 27 июля 1947 г. в Москве. В 1972 г. будущий владыка Алексей поступил в МДС, а в 1974 г. — в МДА, которую окончил в 1979 году со степенью кандидата богословия. С 1980 по 1992 г. был преподавателем МДС. 25 марта 1979 г. пострижен в монашество с именем в честь Алексия человека Божия. В 1989 г., в день праздника Воздвижения Креста Господня, в домовом храме в честь Владимирской иконы Божией Матери архиепископом Зарайским Алексием рукоположен во иеромонаха, возведен в сан архимандрита. В 1991 г. архим. Алексей (Фролов) был назначен наместником Новоспасского ставропигиального мужского монастыря в Москве. 19 августа 1995 г. состоялась хиротония архим. Алексия во епископа Орехово-Зуевского. В 2009 г. переведен на Костромскую кафедру.

к владыке Питириму. Ведь что греха таить, владыку Питирима тоже не совсем любили. Ни в Синоде не любили, нигде... И тоже только потому, что был он излишне самостоятелен. Ну, кто же любит самостоятельных людей? Основной принцип у нас не высовываться. Однако владыка Питирим, отец Иннокентий... И вдруг, вместо такого вот «смирения», прости Господи, — яркие взлеты, идеи какие-то, умение работать с людьми, серьезное вхождение в европейское и в российское научное сообщество, вхождение на равных.

Мнение отца Иннокентия до сих пор авторитетно в наших ученых кругах. Однако в основном в светских ученых кругах. А в духовных, даже и ученых кругах, действительно, забвение, попытка вычеркнуть вообще из истории весь этот период. Вычеркнуть это имя вообще. Говорят: «Да нет, ничего не сделано». Да, дорогие мои, да, ничего не сделано! Но тут хочется парадоксально сказать: как «не сделано»! Да не сделано так то, что вам сделать никогда не удастся! Дело то было поднято и задумано такое, которое и не могло, наверное, быть сделано. И уж, во всяком случае, не могло быть сделано безо всяческой помощи и поддержки.

У отца Иннокентия было любимое выражение. Когда в очередной раз он приходил от Священноначалия и я у него спрашивал, ну что, как, одобрили: «Ну, как же, — говорит, — мордой об стол». Это вот «мордой об стол» — отношение даже со стороны тех людей, которые его уважали, которые его знали и понимали его значение, его высочайший уровень. И все равно «мордой об стол». Просто потому, что по-другому не положено. Это трагично и напоминает эпоху владыки Филарета и отца Александра Горского и других еще более трагических фигур в русской богословской науке.

А что касается личных особенностей отца Иннокентия, кто-то, может быть, скажет, «чужак, странный» и так далее. Да, конечно, у каждого человека есть свои странности. Особенности, которые кому-то могут казаться странностью со стороны. Да, бывал отец Иннокентий и резок с людьми, но резок справедливо. Мог быть несправедливо резок. Мог быть в чем-то справедлив, а в чем-то несправедлив. Более того, замечательный тандем, о котором я сказал, владыка Питирим и отец Иннокентий, тоже давал трещины. Хотя владыка Питирим мне прямо

однажды сказал, что за 30 лет преподавания в Московской Духовной Академии встретил только одного талантливого ученика, отца Иннокентия. Это, извините, тоже статистика и достаточно выразительная. Потому что и владыка Питирим был «ис полла эти деспота», то есть «деспот» во всех смыслах слова, и умел быть «деспотом». Но и отец Иннокентий был не простым человеком, но тоже подчас достаточно сложным в общении. И кончилось тем, что они расстались. Владыка Питирим мне рассказывал, что, когда отец Иннокентий на костылях пришел к нему и подал заявление об уходе, он просил только разрешения вывезти с собой из своего кабинета все, что там у него было: и библиотеку, и рукописи, которые он за многие годы наработал, — и владыка сказал: «Мне ничего не оставалось: “Да забирай все”». И он вывез все. Вечером владыка Питирим прошел в его кабинет и попросил уборщицу вытереть пыль. Ничего не осталось. В Издательском отделе, где человек проработал 30 с лишним лет, ничего не осталось, никакой памяти не осталось об отце Иннокентии. Он сам так захотел. Безусловно, внутренние сложности были, и то, что так сложились отношения у этих двух замечательных и друг друга достойных людей, — это красноречивый показатель.

Отец Иннокентий сам о себе иногда в шутку говорил: «Я не человек, а ходячая антиномия». Если по-настоящему говорить, то любой человек в этом смысле есть ходячая антиномия. А человек в Церкви — это уж антиномия в квадрате. И с этой точки зрения, судьба отца Иннокентия, по существу, это судьба всякого талантливого церковного человека. Я другой ее и не вижу и не знаю. Наверное, так и должно быть. Да Господь и не обещал, что будет хорошо. Господь не обещал, что будет легко. Он сказал наоборот: «Кто не возьмет креста своего и не пойдет вслед за Мною, не достоин Меня»³⁵. Вот в этом смысле отец Иннокентий был подлинным христианином, подлинным учеником Христовым.

— Однако многие с благодарностью вспоминают отца Иннокентия, проходили конференции к пятилетию и десятилетию со

³⁵ Мф. 10, 38.

дня кончины. Издана книжка воспоминаний о нем³⁶. Недавно вышел фильм «Ревнитель православного благочестия»³⁷. Ученица о. Иннокентия О. В. Курочкина недавно опубликовала вашу беседу с о. Иннокентием, которая состоялась в 1991 г. Правда, со ссылкой на архивный фонд о. Иннокентия³⁸ и без указания на то, что в том же 1991 г. беседа была издана в газете «Домострой»³⁹. Что было причиной того, что в августе 1991-го года состоялась ваша беседа с архимандритом Иннокентием о митрополите Сергии?

— Беседа о митрополите Сергии (Страгородском) — это очень простая, достаточно понятная вещь. Накануне, в 1990-м году была переиздана книга архимандрита Сергия (Страгородского), будущего Патриарха Сергия, «Православное учение о спасении». Это была одна из любимых книг отца Иннокентия. И мы мечтали ее издать еще тогда, когда сидели в Лавре и в Издательском отделе в 1969–1970 годах. Когда она вышла, то возникла идея: нужно бы поговорить именно о богословском наследии Святейшего Патриарха Сергия. Тем более что в это время уже начинались разговорчики о «сергианстве», и вообще фигура владыки Сергия (Страгородского) становилась фигурой все более пререкаемой, по-библейски говоря. На самом деле, конечно, ни для меня, ни для отца Иннокентия, ни для владыки Питирима это было не так.

Фигура Сергия (Страгородского) бесспорна. Я думаю, что со временем Русская Православная Церковь канонизирует Патриарха Сергия, и это будет всего лишь восполнение и восстановление церковной и духовной справедливости. Я понимаю, что канонизация сводится не

³⁶ Архимандрит Иннокентий в воспоминаниях духовных детей и учеников. М., 1998.

³⁷ В рамках программы «Видеоархив — Память России» студия «Эковидеофильм» в 2007 г. подготовила документальный фильм «Ревнитель православного просвещения», в центре которого — история жизни и деятельности архимандрита Иннокентия (Просвирнина).

³⁸ См.: Курочкина О. В., Соломина О. Л. Обзор архива архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (НИОР РГБ. Ф. 862) // ПСТГУ. XVI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы. М., 2006. Т. 1.

³⁹ Лисовой Н. Н. Русское спасение. Беседа с архимандритом Иннокентием (Просвирнинным) о Патриархе Сергии и его духовном наследии // Домострой. 10 сентября 1991. № 35. С. 11–12.

только к признанию заслуг и значения того или иного лица, но тем не менее мы знаем, что чин святителей важен именно и более всего той ролью и тем значением, которое тот или иной святитель имел в истории Православной Церкви. Так вот, роль и значение Святейшего Патриарха Сергия не сравнима ни с чем другим в истории русского XX века. Вот об этом мы и попытались тогда поговорить. И отец Иннокентий, и я думали и считали (да я и сейчас так думаю), что это очень актуально для нашей современной церковной жизни. Современной церковной жизни и современному Священноначалию есть о чем подумать и есть чему учиться у Святейшего Сергия и его соратников, которые окормляли Русскую Церковь в труднейшие десятилетия XX века.

Хотел бы еще для сравнения сказать, что примерно тогда же, в конце 1960-х — начале 1970-х годов, была у нас еще одна заветная идея — издать труды учителя Сергия (Страгородского) и Антония (Храповицкого) — епископа Михаила (Грибановского)⁴⁰. Собственно говоря, это единая школа — епископы Михаил (Грибановский), Антоний (Храповицкий), Сергий (Страгородский)... Иларион (Троицкий)⁴¹ — младший их ученик. Это одно из самых замечательных явлений в истории русской богословской мысли конца XIX — начала XX века. И у истоков стоял, конечно, владыка Михаил (Грибановский). У меня хранится 30-й том «Богословских трудов», где была переиздана диссертация Михаила (Грибановского) «Истина бытия Божия»⁴², с дарственной надписью отца Иннокентия. В этой его дарственной надписи, одной из последних, говорится: «С благодарностью за идею, поданную 20 лет назад». С тех пор прошло еще 15 лет, идея-таки не реализована до сих пор. Надеюсь, что в этом году в издательстве Московской Па-

⁴⁰ Михаил (Грибановский) (1856–1898), с 6 августа 1894 г. — епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии; с 30 ноября 1895 г. — епископ Каширский, викарий Тульской епархии; с 19 января 1897 г. — епископ Таврический и Симферопольский. См.: *Михаил (Грибановский), еп.* Над Евангелием / Публ. и послесл. Н. Н. Лисовой // Домострой. 1992. № 25–38, 41, 43–47; 1993. № 1, 2, 4–12, 14, 16, 17–20, 25, 26, 45.

⁴¹ См. о нем: Сафонов Д. В. Иларион (Троицкий) // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 2. И–Н / Гл. ред. С. О. Шмидт. М., 2008. С. 40.

⁴² *Михаил (Грибановский), иеромонах.* Истина бытия Божия // БТ 30. М., 1990. С. 5–82.

триархии выйдет, наконец-то, книга трудов епископа Михаила (Грибановского), где я значусь составителем и автором предисловия, которую тоже можно было бы посвятить памяти отца Иннокентия. Точно так же, как я посвятил его памяти свою работу, опубликованную в «Богословских трудах», по истории русского богословия, которая готовилась и делалась еще в 1975—1976 годах. По-немецки она была издана в книге «Русская Православная Церковь»⁴³, а по-русски издана только в 2002 году⁴⁴. Я посвятил эту работу совершенно справедливо, как я считаю, памяти отца Иннокентия. Думаю, что если доведет Бог и дальше что-то делать в этой области, то почти все мои задумки и продолжающиеся и незавершенные работы тоже можно будет посвятить памяти отца Иннокентия, с которым нас связывало так многое за те 25 лет, которые мы дружили на этой земле.

— Николай Николаевич, последний вопрос. Сейчас стало модно говорить в среде духовенства, что нужно осудить советскую эпоху, нужно осудить духовенство, которое якобы пресмыкалось перед властью. Некоторые объявляют патриотизм нецерковным понятием. Как реагировал отец Иннокентий на такие вещи, ведь это не сегодня появилось, это тогда уже появилось?

— Отец Иннокентий реагировал на это крайне отрицательно. Отец Иннокентий всегда был большим патриотом и Русской Церкви, и России. Он считал и был убежден, что и XX век нельзя вычеркивать из истории России и из истории Русской Церкви. Да, трудная эпоха, да, кровавая эпоха. Но, одновременно, славная эпоха, великая эпоха. Эпоха подвига наших дедов, которые в условиях антирелигиозного геноцида отстаивали православную веру и отстаивали Русскую Церковь. Эпоха наших отцов, которые в Великой Отечественной Войне отстаивали Россию, отстаивали русское имя и русскую землю.

⁴³ Die russische theologische Wissenschaft // Die russische Orthodoxe Kirche. В., N. Y., 1985 (Die Kirche der Welt. 19).

⁴⁴ Лисовой Н. Н. Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX — начале XX столетия // БТ 37. 2002. С. 5—127.